

Ирина ЛАЗАРЕВА

* ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ *

ГОЛУБАЯ
ИСКРА

Женские истории

Ирина Лазарева

Голубая искра

«Центрполиграф»

2014

Лазарева И. А.

Голубая искра / И. А. Лазарева — «Центрполиграф»,
2014 — (Женские истории)

Еще совсем недавно жизнь Лизы Щербининой была размеренной и предсказуемой. Она занималась наукой, и перспективы открывались самые радужные. Беда пришла внезапно. Был убит ее научный руководитель, и началась охота за результатами исследований лаборатории. Лиза в страхе спешно уезжает в деревню, где живет ее одинокая тетя. Местечко малолюдное, все на виду. Кроме деревенских пенсионеров там живет таким современным барином Арсений Кравцов, молодой, но уже известный в своей области специалист. Лизе на руку, что Арсений типичный ученый червь, не замечающий ничего и никого вокруг...

© Лазарева И. А., 2014

© Центрполиграф, 2014

Ирина Лазарева

Голубая искра

Разработка серийного оформления художника Е. Ю. Шурлаповой

© Лазарева И. А., 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление серии, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Лиза вышла на глухом полустанке; солнце недавно встало и светило тусклым пятном сквозь мутную пелену облаков. На перроне с указателем «Вольшанки» никого не было, и вокруг не виднелось ни души. Прямо от ступенек перронной лестницы начиналась полузаросшая грунтовая дорога, петляющая вдоль берега сонного озерца и дальше через пустынный луг до пасмурного леса, где пропадала с глаз под вислыми лапами елей.

Лиза постояла, оглядывая неприветливый пейзаж, вздохнула, подняла чемодан и спустилась по лестнице вниз, на дорогу. Здесь чемодан можно было катить, хоть и с трудом – колеса прыгали на травяных кочках.

Пока был жив отец, он не раз брал Лизу с собой в деревню Вольшанки, там прежде жили его родители, потом осталась одна бездетная сестра. С тех пор прошло много лет, но тетку свою Лиза помнила и дорогу знала, надо было так и идти, никуда не сворачивая. Если в лесу не съедят волки, думала она, шагая к высокой стене деревьев, то можно пожить еще, скрыться до поры в этой богом забытой деревушке. Беспокойство снедало ее: а вдруг тетка Дуся ее не примет. Может, больна, раздражительна, неласкова к незванным родственникам. Последний раз Лиза видела тетку на похоронах отца. Тогда Дуся выглядела вполне крепкой женщиной, да и теперь ей нет пятидесяти, она ведь на шесть лет моложе отца. Лиза стала подсчитывать: ну да, Дусе должно быть сорок восемь, по городским меркам деятельный возраст. Хотя кто знает, в деревне женщины рано старятся.

Лиза накинула на голову капюшон пуховика – было довольно зябко, снег еще не выпал, но зима забавлялась где-то на подходе, ловила пролетающие ветры и, остудив в своих объятиях, отпускала на волю.

Лиза решительно тронулась в путь, назад все равно нельзя. Вряд ли кто-нибудь додумается искать ее здесь, за четыреста километров от Москвы. Просто удивительно, как ей хватило ума никому не рассказывать о Дусе, – это уже что-то на уровне подсознания, интуиция, словно Лиза предвидела, что когда-нибудь ей понадобится убежище. Впрочем, слишком далеки они были с теткой, чтобы упоминать о ней в кругу знакомых.

Дуся выбрала деревенскую жизнь и обособилась от остального мира. Отец рассказывал, что сестра в молодости поехала искать счастья в столицу, но в результате пережила личную драму и крах всех надежд, мегаполис чуть ее не убил, она вернулась в деревню к престарелым родителям, с тех пор там и жила.

Отцу Лизы повезло больше: после службы в армии он поступил в столичный институт и навсегда распрощался с деревенской жизнью. Жenu, однако, присмотрел на родине, в соседней деревне, но после свадьбы увез молодую супругу в Москву. Когда умерли старики-родители,

он звал сестру к себе, но та напрочь отказалась. Так и жила затворницей в заброшенной умирающей деревушке.

Лиза ступила под сень высоченных елей. Сразу стало как будто еще пасмурнее, и запахло сыростью. Лизу устраивало безлюдье: людей она сейчас боялась больше, чем зверей. Какая живность водится в этих краях, она не знала, но помнила, что отец ходил в лес без боязни. Правда, брал с собой охотничье ружье, иногда приносил подстреленных уток, однажды охотничьим трофеем оказался крупный заяц. Лиза горько жалела несчастного зверька, даже расплакалась и просила у взрослых разрешения похоронить убиенного в огороде, но заяц пошел на жаркое. К еде в тот день Лиза не притронулась, а отец больше на охоту при ней не ходил, решил ограничиться рыбалкой, чем занимался с не меньшим азартом и удовольствием.

Неожиданно прямо в лицо ей бросилась какая-то большая птица. Лиза едва успела увернуться, птицу не разглядела, видела только что-то черное, хлопки крыльев затихли за спиной. Лиза остановилась перевести дух. Что это было? Напугала пернатая. А может, и хотела напугать? Птицы иногда отгоняют таким образом людей от гнезда. Только Лиза была на старом большаке, деревья отстояли далеко. Плохой знак с утра, подумала Лиза, оглядывая соседние ветви. Обнаружила своего обидчика. Большой черный ворон сидел на высохшем мертвом клене, раскинувшем корявые ветки-руки как бы в призыве о помощи.

У Лизы холодок пробежал по спине – настоящего черного ворона она видела только один раз в зоопарке, он сидел в большом вольере, как диковинный зверь. Люди ему определенно не нравились, – видимо, восклицания у клетки его раздражали, ворон бросался к людям, раскрыв клюв, ясно давая понять, чтобы надоедливые зрители оставили его в покое.

А что сейчас? Ворон смотрел Лизе в глаза, потом отвернулся и занялся чисткой перьев.

Лиза пошла дальше по сухой укатанной колее сквозь высокий лес, которому, казалось, не будет конца, но неожиданно за поворотом размытую дорогу перекрыло неширокое заасфальтированное шоссе. Раньше его не было, видно, проложили недавно, это подтверждало хорошее состояние дорожного покрытия.

Лиза остановилась в нерешительности: было соблазнительно продолжить путь по гладкому асфальту, чемодан катился бы легче, но она хорошо помнила, что в Вольшанки вела именно та дорога, по которой она шла. А вдруг свернешь – и отправишься в другую сторону. Блуждать по пустынному шоссе Лизе совсем не улыбалось.

Пока она стояла на перепутье в сомнениях, раздался шум мотора, и рядом с Лизой остановился крытый грузовик. Из окна кабины высунулась голова в синей кепке.

– Куда путь держишь, девушка? Ты откуда, со станции? Садись, подвезу, – предложил водитель.

«Ага, разбежался!» – подумала Лиза. Вслух, однако, вежливо поинтересовалась:

– А вы сами куда едете? Может, не по пути вам совсем.

Тот хохотнул:

– Так ведь путь один. Заеду в Вольшанки, и дальше – до Острюхина. На том – конец цивилизации, сплошная непролазь, озера, болота.

– Раньше тут дороги не было, – продолжала сомневаться Лиза.

– А теперь есть, – весело откликнулся водитель.

Ничего пугающего в его внешности не было: возраста неопределенного – от сорока до пятидесяти, лицо темное, небритое, в сухих морщинках. Обычный деревенский мужик.

– Добрые люди позаботились о стариках. Я вот продукты вожу два раза в неделю. Автолавка у меня. А то весной-то по хляби не шибко проедешь, а старикам что ж, помирать без хлеба? Слышь, давай лезь в машину, не съем я тебя...

Он спрыгнул с подножки кабины, по-хозяйски отнял у Лизы чемодан и уложил его в кузов грузовика.

– И куда же тебя, барышня, несет в такую погоду? – допытывался водитель, крутя баранку. – В летнюю пору, случается, родственники приезжают пожить в деревне. Летом рыбалка, грибы, ягоды, а сейчас что? Осенняя скучища, дождь пройдет – сырость и слякоть, на улицу не вылезешь. Тебя звать-то как?

– Елизавета, – неохотно отозвалась она.

– По виду городская, а имечко у тебя старомодное, – усмехнулся разговорчивый попутчик.

– Так звали мою бабушку. Они здесь жила, в Вольшанках.

Из чащи на дорогу пополз туман. Лес померк и начал пропадать в сизой дымке.

Водитель представился Геней и продолжал болтать, словно хотел наговориться впрок на обратный одинокий путь. Слева от шоссе в разъеме деревьев открылся двухэтажный каменный дом, обнесенный высокой оградой. Грузовик свернул к воротам и остановился.

Гена посигналил.

– Не хмурься, сейчас дальше поедem, – пообещал он, – вот только жильцы отоварятся.

Из железной двери с надписью «Осторожно, злая собака» вышла пожилая женщина в норковом полушубке, с завитыми волосами, выкрашенными в фиолетовый цвет. Женщина с Геней зашли за кузов. Скоро покупательница скрылась за оградой с полной сумкой продуктов, а Гена снова запрыгнул в кабину.

– Что за фиолетовая мадам? – поинтересовалась Лиза. – Дом, наверное, дача каких-то богачей?

– Это мамаша нашего ученого, – охотно пояснил Гена. – Не сказать, что они зажравшиеся богатеи, но дом хороший, добротный, я как-то побывал внутри, помог бабке сумки донести.

– Какой ученый? – насторожилась Лиза.

– Математик вроде. А мне почем знать? Живет тут подолгу в глуши, вычисляет что-то, на то и математик. У бабки, рассказывают, от мужа богатое наследство осталось, опять же городскую квартиру в аренду сдает, вот они с сыном и живут, горя не знают. Тут в округе стали потихоньку строить дачные участки, дома, потому и асфальт проложили. Раньше-то на тракторной телеге до деревенок с трудом добирались. Иной раз такая грязь, что и танк не пройдет.

– А как звать вашего математика? – Лиза прикидывала в уме, кто может оказаться в этих краях.

– Дай бог памяти... Нет, не вспомню сейчас. Мое дело продукты подвезти, деньги получить. Люди вежливые, надежные, в долг не берут, потому с ними ни хлопот, ни разговоров.

Лиза сосредоточенно размышляла. Не нравилось ей соседство ученого, ох не нравилось. Впрочем, надо осмотреться в деревне и все разузнать.

– Так говоришь, бабушка в Вольшанках жила? – не унимался говорливый Гена. – Померла, что ли? А сейчас к кому едешь?

– К тетке, Дусе Столетовой. Знаете такую?

Гена присвистнул:

– Вон оно как! Знаю, как не знать. – И неожиданно надолго замолчал.

Навстречу протарахтел старый жигуленок. Гена приветственно махнул рукой из окна.

– Ну-ну, рассказывай дальше, мы с тобой почти земляки. Я сам родом из Острюхина.

– Точно земляки, – улыбнулась Лиза. – Мама моя острюхинская. Жили рядом две деревеньки, парни и девушки встречались, женились. Только в Острюхине у нас давно никого не осталось, мама рано умерла, родителей своих ненадолго пережила. Прервалась связь с Острюхином давным-давно. А четыре года назад папа скончался от инфаркта. Из родственников только тетя Дуся осталась.

– Да-а, судьбинушка... – вздохнул Гена. – Молодые рано ушли, а старые здесь век доживают. Есть такие, что в город к детям ехать не хотят, приросли к своим домишкам, к огородам, а есть совсем одинокие. Я, к примеру, отца забрал к себе в городскую квартиру, и ничего –

прижился старик, с соседями во дворе в домино, в шашки играет... Прибыли, – через минуту сообщил он Лизе. – Вот твои Вольшанки, только подъехали мы с другой стороны.

Водитель остановил машину на обочине и просигналил. Прямо у шоссе притулились бревенчатые избы – автостраду проложили вплотную к околице, а от нее уходила вглубь между двумя рядами домов желтая деревенская улица, вся в подсохших промоинах. Вдоль частокола облупленных заборов жители настелили досок, чтобы можно было передвигаться в непогоду. Сейчас по мосткам уже ковыляли к автолавке старушки с корзинами и мешками.

Лиза спрыгнула с подножки грузовика и стояла, вглядываясь в женщин. Которая из них Дуся? Все в платках, в очках, многие с палками. С соседнего огорода выбрался старичок в ушанке набекрень, но к грузовику не подошел, остановился поодаль, опираясь на костыль и пыхтя окурком.

– Что-то я тети Дуси не вижу, – решила обратиться за помощью к шоферу Лиза.

Тот уже спустил ее чемодан на землю и сам полез в кузов, чтобы раздавать продукты.

– Подойдет сейчас, дом ее самый дальний. Дом-то знаешь?

– Знаю. А вдруг она уехала? – испугалась Лиза.

– На прошлой неделе туточки была. Не уедет она, куда ж ей деться?

Женщины оглядывали Лизу и ее чемодан, некоторые подходили близко и подслеповато тарасились в лицо.

– Для кого невесту привез? – осторожно поинтересовалась одна из старушек. – У нас токма Петр Тимофеич в бобылях, – кивнула она в сторону деда в ушанке, – да и тот вконец охромел.

– Веселые здесь бабули, – улыbnулась Лиза. – А вы приглядитесь, может, узнаете меня. Я племянница Дуси Столетовой.

– Батюшки-светы! – всплеснула руками собеседница. – Внучка Лизаветы покойницы! Какая ты барышня стала, ни за что не узнать! А вон и Евдокия идет, то-то обрадуется.

Тетка Дуся энергично вышагивала по мосткам, размахивая хозяйственной сумкой. Одета была в вязаную кофту, поверх выцветшая телогрейка, на голове – платок, на ногах – сапоги. От деревенских бабушек сразу не отличишь, но ступала легко и ровно, словно молодая, а как приблизилась, то и лицо у нее оказалось свежим, со здоровым румянцем крепкой сельской жительницы.

Лизу она узнала сразу, но не выказала бурной радости, обняла племянницу молча, затем отступила, прищурилась слегка, оглядывая, и повернулась к Геннадию:

– Поможешь чемодан до дому донести?

– Какие вопросы, – осклабился тот. – Сейчас управимся с раздачей и пойдем к тебе в хату.

* * *

В доме Дуси ничего не изменилось, та же старая мебель, что и при жизни родителей, допотопный рукомойник с тазом в углу, кружевные короткие занавески на окнах, твердый топчан и большой дубовый стол. В спальне железные кровати с толстыми матрасами и грудой подушек. Казалось, двадцать первый век не заглядывал в эту обитель, но Лиза с удовольствием вдохнула запах своего детства, знакомого деревенского жилища, погладила рукой чисто выбеленную русскую печь – она была теплая, топилась недавно, а в комнате чуть тянуло дымком березовых поленьев.

Гена поставил чемодан у входа, скинул обувь, прошел, будто у себя дома, вглубь комнаты, открыл застекленную створку буфета, пошарил на полке и извлек початую бутылку водки.

Следом выложил на стол хрустальные стопки:

– Отмечать приезд племянницы будем, Дусь?

Дуся вошла из сеней, уже без платка и телогрейки, волосы у нее были гладкие, неокрашенные, своего природного русого цвета, тронутые сединой, что, впрочем, нисколько не портило Дусяного лица. Лиза будто впервые как следует разглядела свою тетку.

В детстве Лиза задерживала внимание на любом деревце, травинке, козявке; каждый камешек и ручеек хранили свою тайну. В небе было полно загадочных звезд, в лесу прятались грибы, шмели и разноцветные бабочки и кто-то еще, временами подающий голос, – то со стороны реки, то из оврага, иногда протяжно и гулко, а иногда певуче-печально. Деревенские говорили, что это стонет дух здешнего леса.

Столько секретов было вокруг, завораживающего и неведомого, только взрослые никогда не притягивали внимания Лизы. Все они были безнадежно обыденны, они жили своей взрослой скучной жизнью и не могли вызвать у девочки интереса.

Теперь же она увидела свою не старую еще тетку глазами двадцатилетней женщины и смогла дать другой женщине соответствующую оценку: Дуся была красива зрелой естественной красотой, как может быть красива хорошо сохранившаяся женщина сорока восьми лет. Долгие годы деревенского затворничества не наложили на ее облик печать разочарования, неудовлетворенности, жизненных невзгод. Вся она излучала уверенное спокойствие, на собеседника смотрела прямо, открытым взглядом голубых незамутненных глаз. Разговаривала негромко, твердо и коротко. Волосы причесывала гладко и собирала на затылке в пучок, что очень шло к ее молодавому безыскусному лицу. Лиза угадывала в ней черты своего отца, оттого сразу почувствовала к Дусе расположение.

– Положь бутыль на место, – цыкнула хозяйка на Гену. – Ступай к машине. Помог, за то благодарствую. А сейчас дай нам спокойно пообщаться.

– Строгая у тебя тетушка, Елизавета, – нисколько не обиделся тот. – Ладно, чего уж, пойду, раз не привечаешь. Приеду в среду. Если надо чего, скажи, все привезу.

– Иди уже, благодетель. Не надо мне ничего. Оставь нас одних, – отрезала Дуся.

Гена помялся еще у двери, долго шнуровал растоптанные ботинки, наконец вышел, с улицы махнул в окно рукой на прощание.

– Ухажер, что ли? – кивнула на окно Лиза. – Неудивительно: про таких, как ты, говорят: сорок пять – баба ягодка опять.

– Окстись, какие сорок пять, скоро пятьдесят стукнет.

– Так уж и скоро. Годков себе не прибавляй, ты меня знаешь, я точность люблю, – улыбнулась Лиза.

– Все корпишь над своими уравнениями? – вздохнула Дуся. Она подхватила чемодан племянницы и понесла в спальню. – Смотри, за своей ученостью счастье женское проглядишь. Будешь, как я, в лесу комаров кормить – вот и вся польза природе. Ко мне-то надолго или проездом?

– Надолго, – тихо проговорила Лиза, опустив голову.

– Тогда выбирай себе полки в шкафу, вешалки сейчас дам, располагайся. Спать будешь на этой кровати, она удобная, постель чистая. Переодевайся в домашнее, сейчас будем завтракать.

Дуся деловито расхаживала по комнате, начала накрывать на стол, пока Лиза осматривалась на отведенном ей пространстве. Приезд госты не разбудил в хозяйке, казалось, никаких чувств, отличных от тех, какие она проживала изо дня в день.

Уже сидя за столом, она спросила ровным голосом:

– Так зачем пожаловала? Рассказывай, что у тебя стряслось.

Лиза на протяжении всего пути в Вольшанки обдумывала, чем объяснить тетке свой неожиданный визит, да так ничего и не придумала. Посвящать Дусю в истинную причину побега из Москвы значило бы пуститься в пространные описания интриг, сложных взаимоотношений с сотрудниками, а главное – не было никакой возможности сознаться в том, к чему привела ее работа в лаборатории.

Лиза росла девочкой-вундеркиндом. У нее рано обнаружились математические способности, она побеждала на школьных олимпиадах, ей прочили блестящее будущее. Лизу восхваляли, награждали, привечали. Постепенно она увлеклась физикой и после окончания школы поступила на физический факультет МГУ. Преподаватели высоко ценили студентку Елизавету Щербинину, она еще трудилась над дипломной работой, когда ее пригласили участвовать в крупном научном проекте.

Только родители были не в восторге от выдающихся способностей дочери.

– Лучше бы она была как все, – говорила мама. – Ни к чему хорошему это не приведет. Сколько я видела одаренных детей, которые стали несчастными, едва повзрослели.

Ох, как мама оказалась права! Вся работа насмарку, да что работа – жизнь Лизы пошла под откос, покатилась, как новенькая карета с обрыва, и разбилась страшно, так что обломков не собрать.

Как рассказать Дусе о том, чего неискушенная женщина не в состоянии понять. Разве что в общих чертах. Наверное, будет правильно, если Дуся осознает опасность, грозящую Лизе. Сложность в том, насколько тетя умеет хранить чужие тайны. Случившееся с Лизой не может стать предметом огласки даже здесь, в глухой деревне. И самое трудное – передать словами потерянность, полную дезориентацию; Лиза теперь не представляла, как жить дальше.

– Я ушла с работы, – выдавила Лиза. – Понимаешь, мне нельзя сейчас оставаться дома. Кое-что случилось. Это связано с моими исследованиями. Я пока поживу у тебя, если не возражаешь.

Дуся окинула племянницу цепким взглядом.

– Дело только в работе или бывший муженек донимает? А может, еще кого завела? И не вздумай меня уверять, что ты живешь синим чулком, знаю я вас, столичных...

– Нет, мужчины тут ни при чем. – Лиза глубоко вздохнула и решилась: – Послушай, Дуся, то, что я тебе расскажу, никто не должен знать, никто, понимаешь? Иначе меня ждут серьезные неприятности. Ты должна осознать, насколько все опасно, ведь я твоя племянница, единственный родной человек.

Когда я впервые пришла в лабораторию, считала себя счастливницей. Действительно, мне повезло: меня взял к себе в команду сам Крымов. Тебе это имя ничего не говорит, но в научном мире Иван Васильевич был широко известен, как авторитетный, перспективный, фантастически талантливый ученый. Работать под его началом почитали за честь, попасть к нему в помощники было большой удачей для дальнейшей карьеры...

Я говорю о нем в прошедшем времени, потому что Крымова нет в живых. Недавно он попал в автокатастрофу.

Мы работали в области квантовой акустики, экспериментировали с взаимодействием звуковых волн с электронами и фотонами на гиперзвуковых частотах при низких температурах. Тебе все это сложно представить, поэтому не буду углубляться. Мы сделали несколько интересных открытий, Иван Васильевич был доволен ходом исследований и мной, как помощницей, – он уделял мне все больше внимания. Не пойми превратно – интерес его был чисто коллегиальный, он был пожилым человеком и, как мне показалось, женским полом мало интересовался, так как был одержим наукой. Хотя коллеги меня просветили, что он был женат вторым браком на женщине намного моложе его. Но, видимо, брак давно себя исчерпал, потому что я никогда не видела, чтобы он торопился домой.

Меня он хвалил все больше и приблизил к себе настолько, что проигнорировал остальных сотрудников. Мы готовили большую научную статью, в которой мне отводилась роль соавтора наравне с Крымовым. Он считал, что это справедливо. К тому же мне еще не встречался ученый, настолько лишенный честолюбия, как Иван Васильевич...

Лиза замолчала, рассказ воскресил в ее памяти Крымова – порывистого, увлеченного, внешне резкого, но невероятно доброго человека.

Из груди Лизы вырвался горький вздох. Дуся смотрела на нее внимательно, не подгоняла, не перебивала вопросами.

Крымов часто оставался в лаборатории один, продолжала Лиза, сотрудники уходили домой, а он продолжал работать, в этом был смысл его жизни.

Сейчас, анализируя случившееся, Лиза предположила, что именно в один из таких вечеров Крымов докопался до чего-то такого, что его испугало. Незадолго до этого, словно предчувствуя события, Крымов объяснял Лизе, что самое неприятное в работе ученого, когда перед ним встает моральная проблема.

Дальнейшие события стали разворачиваться стремительно. Крымов, как многие творческие интеллигенты, совершенно не разбирался в людях, был человеком наивным, доброжелательным, из тех, кого легко обмануть, а он этого обмана даже не заметит. Сгоряча чудаковатый профессор отправился к руководству института. Неизвестно, как просочилась информация об открытии Крымова, кто был свидетелем его доклада дирекции.

Он вернулся во взвинченном состоянии.

– Вот, Лизочка, я им все сказал. Все результаты наших исследований должны быть уничтожены, и я сделаю это немедленно. Тебя я тоже прошу стереть все записи, где бы ты их ни сохранила.

– Да что случилось, Иван Васильевич?! – воскликнула Лиза.

– Ты умная девочка, не сомневаюсь, что догадаешься сама, ведь мы подошли вплотную к опасному открытию. Я не хочу стать творцом-убийцей. Нет, нет! Все кончено, тема закрыта.

Лиза, конечно, была ошарашена. Пыталась воззвать к его благоразумию, не принимать решения сгоряча, сделать перерыв в работе, чтобы иметь возможность успокоиться и взглянуть на проблему под другим углом. Зачем же уничтожать плоды долговременного труда? В конце концов, любое открытие может быть использовано в мирных целях. К тому же рано или поздно додумается кто-то другой.

Лиза возлагала большие надежды в связи с выходом статьи, жаждала признания в научном мире... Но Крымов был непреклонен. Твердил одно и то же: уничтожить, стереть, забыть! Нельзя пускать это в мир, повторял он, ученый должен сознавать свою ответственность.

Следующий день был выходной, Лиза поздно встала, занималась уборкой, затем поехала в супермаркет закупить продуктов на неделю. Захватила с собой ноутбук. В торговом центре она обычно проводила несколько часов: пока ходила по бутикам – уставала, тогда можно было посидеть в кафе, выпить чашку капучино и поторчать в Интернете, потом уже идти в продуктовый зал.

Вернулась она домой к шести часам вечера, вошла в квартиру – и ахнула: все перерыто, раскидано, перевернуто; хотя на первый взгляд ничего не сломали, но разгром был полный. Приняв поначалу нашествие на квартиру за ограбление, Лиза бросилась к своим украшениям, среди них было несколько ценных и дорогих ей вещей, но ни одной пропажи не обнаружила – все кольца, серьги, ожерелья лежали на своих местах в ящичках, их как будто даже не трогали, хотя шкатулки стояли на виду.

Лиза села на диван посреди вороха одежды, бумаг, мелких предметов, силясь сообразить, что же означает тарарам в квартире и кто его учинил.

Заиграл мобильник, звонил Крымов. Говорил он торопливо, возбужденно, почти кричал:

– Лиза, послушай меня внимательно! Ты должна немедленно уехать. На время. Уезжай с утра, я сам оформлю тебе отпуск.

– Куда уехать, зачем? – опешила она. – Что случилось, Иван Васильевич?

– Что случилось?! А с тобой ничего не случилось?

– Кажется, меня пытались ограбить, – неуверенно сообщила Лиза.

– Нет, моя дорогая, не ограбить. Они искали записи наших исследований. Сегодня меня сбили с ног на улице, отняли портфель и ноутбук. Косили под уличное хулиганье, но я-то знаю, что это неспроста. Караулили у подъезда, я только вышел из машины.

– Боже мой, вы не поранились, Иван Васильевич?!

– Плечо болит, сильно ударился, но это ничего, могло быть хуже. В моем-то возрасте... – Крымов немного отдышался. – Хорошо, что я до тебя дозвонился. Понимаешь, в запале и любовании собственной бескомпромиссностью, я совершенно не заметил, кто конкретно находился в кабинете директора. Выпалил свое решение закрыть тему, сообщил, чем грозят дальнейшие разработки, и, не слушая возражений, вышел вон. Старый мухомор! Я ведь не только себя, но и тебя подставил. А главное, даже представить не могу, кто за нами охотится.

– Иван Васильевич, вы мне так ничего и не объяснили, почему заморозили нашу работу.

– Лучше тебе не знать. И не задавай мне вопросов. Поверь на слово – мы чуть не выпустили на волю страшного зверя, способного погубить миллионы людей. Но учти, если возмуща за меня, то и тебе несдобровать. Ведь ты должна знать весь ход наших экспериментов.

– Иван Васильевич, я никуда не поеду! – проявила твердость Лиза. – Вы все преувеличиваете. В крайнем случае обратимся в полицию. Надо заявить о краже ноутбука. Хорошо, что я свой взяла в супермаркет. В конце концов, если ваши выводы верны, грабителей скорее должен интересоваться наш стационарный на работе.

– Я это предусмотрел и навел в своих документах порядок. – Крымов помолчал. – Вот ты сейчас сказала, и меня одолели сомнения, а вдруг я что-то оставил, забыл, сунул в другую папку. Со мной часто случается. Лиза, я немедленно отправлюсь в институт! Надо стереть любые файлы, где есть хотя бы намек на наши разработки.

– Опомнитесь, Иван Васильевич, пока вы доедете, наступит ночь, отправитесь завтра с утра.

Но Крымова отговорить Лизе не удалось. Он сел в свою старенькую «мазду» и поехал в институт, а жил от места работы далеко, на другом конце города.

Это случилось на Мичуринском проспекте; очевидцы рассказывали, что «мазда» стояла на светофоре, тронулась, когда зажегся зеленый свет, и в тот же миг в нее влетел внедорожник «тойота», – как потом выяснилось, автомобиль числился в угоне. Водитель «тойоты» с места происшествия скрылся. Впоследствии его так и не нашли.

Утром Лиза пришла на работу, узнала страшную новость, поначалу горевала, думала только о бедном Крымове, потом задумалась о себе и не на шутку перепугалась. После вечернего разговора с профессором она заподозрила, что авария была неслучайной. Как и посещение ее квартиры неизвестными.

Через два дня Лиза вместе с сослуживцами присутствовала на церемонии прощания со своим руководителем. В траурном зале, убранном цветами, она наконец имела возможность познакомиться с супругой, теперь уже вдовой Крымова. Сотрудники, случалось, злословили по поводу разницы в возрасте между Крымовым и его женой, но Лизе она показалась достаточно зрелой женщиной. Высокая, статная, ухоженная шатенка. Конечно, надо было сделать скидку на ее душевное состояние после кончины супруга. Вероятно, до несчастья с мужем она выглядела лучше, но все же на вид ей было около сорока. Крымов не дожил месяца до своего шестидесятилетия, так что по нынешним временам не такой уж неравный брак, как преподносили любительницы посудачить.

На поминках, которые состоялись в арендованном зале ресторана, вдова неожиданно обратилась к Лизе, сидевшей напротив нее за столом:

– Очень признательна вам, Лиза, за то, что вы пришли поддержать меня в трудную минуту. Иван Васильевич вас высоко ценил. Он связывал с вами большие надежды.

Лиза смутилась, не сразу нашлась, что ответить.

– А я с ним, – пробормотала она. – У нас были далекоидущие планы. Что я теперь без него?..

Лизе на глаза навернулись слезы, уже не первый раз за день.

– Вы очень скромны, – с теплотой продолжала Крымова. – Вы много значили для Ивана Васильевича. Он не раз рассказывал мне о вас. Ваш образ мыслей, ваш талант Ваня называл своим личным трамплином, вы как бы выталкивали его на очередную высоту. Он черпал идеи в совместной работе с вами. Жаль, что нам пришлось познакомиться при столь трагических обстоятельствах.

Лиза была тронута и польщена. Несмотря на скорбную ситуацию, сидевшие напротив мужчины поощрительно улыбались Лизе. Кого-то она знала лично, кого-то просто в лицо. Ее сотрудник Леонид Ганжа сидел по левую руку от вдовы и, не считаясь с ситуацией, посылал Лизе призывные взгляды. Он давно ухаживал за ней, но без взаимности, что, по всей видимости, не могло его отвлечь от желания добиться благосклонности Лизы.

Были здесь и совершенно незнакомые люди. У Лизы внезапно закружилась голова, ею овладело странное наваждение – все эти незнакомцы таили в себе угрозу, губы улыбались, но глаза были холодны. Белые лица, как маски, застывшие в дежурных улыбках, ледяной взгляд убийцы в прорезях для глаз. Скоро беседа перетекла в другое русло, и о Лизе как будто забыли, но и тогда она не могла отделаться от ощущения, что за ней наблюдают.

Видно, заработалась, нервы стали ни к черту, заключила она. Посидев для приличия еще пять минут, Лиза встала из-за стола:

– Извините, я что-то неважно себя чувствую. Мне придется уйти.

Вдова обратилась к Леониду с предложением проводить Лизу.

Тот привстал, но девушка пресекла его желание быть полезным.

– Ни в коем случае, я живу практически совсем рядом.

«Только ухажера мне сейчас не хватало», – мысленно передернулась Лиза. Она вышла на улицу, остановила такси. Но страх не отпускал, а последующие события заставили ее пожалеть, что она отказалась от провожатого. Как только такси отъехало, Лиза заметила, что следом тронулся черный «сааб», припаркованный у ресторана. Когда Лиза входила в подъезд своего дома, «сааб» стоял неподалеку. В нем сидело двое мужчин. Все еще надеясь, что преследование лишь плод ее воображения, Лиза открыла дверь подъезда, но все же оглянулась напоследок. Один из пассажиров «сааба» быстро приближался к подъезду. Лиза уже в настоящей панике захлопнула дверь подъезда, надеясь, что незнакомец не сможет пройти без кода, но, как назло, навстречу из лифта вышли жильцы. Вот они открыли дверь, и незнакомец вошел в вестибюль. Лиза судорожно била по кнопке лифта, а тот все не хотел закрываться. Створки дверей наконец начали смыкаться, но человек успел просунуть ступню в щель. Лиза изо всех сил ударила каблуком по ноге преследователя, еще и лягнула в колено хорошенько. Тот сдавленно рыкнул, ногу выдернул, лифт поехал вверх. Вот когда Лиза порадовалась, что живет на пятнадцатом этаже. Второй лифт, к счастью, только спускался, поэтому у Лизы было время заскочить в квартиру и запереться на все замки. Через короткое время в дверь начали настойчиво звонить.

– Что вам надо?! – закричала она из коридора.

– Откройте, Елизавета, это в ваших же интересах. Нам всего лишь нужно поговорить, – откликнулся мужской голос снаружи.

– Я звоню в полицию! – сорвалась на визг Лиза. – Убирайтесь, или вы пожалеете!

– Вы делаете большую ошибку, Елизавета, как бы сами потом не пожалели, – отозвался голос с неприкрытой угрозой.

– Я уже звоню в полицию! Я запомнила номер машины, пусть с вами разберутся!

Она услышала удаляющиеся шаги. Потом звук открывающегося лифта. Номер машины Лиза не разглядела, но, вероятно, ее выдумка подействовала.

В тот же день она наскоро собрала вещи и уехала в Вольшанки вечерним поездом. Единственное, что рискнула сделать напоследок, – попросила подругу позвонить на работу, чтобы там не вообразили, будто Лиза без вести пропала. Уехала – и все, куда – не сообщила, в ближайший год не появится. Вот так!

Больше Лизе добавить было нечего. Она уныло ковырялась в тарелке. Дуся долго молчала; Лиза успела заметить, что тетка не отличается многословием. Это радовало: Лиза терпеть не могла болтливых женщин.

– Ладно, – наконец сказала Дуся, – сегодня отдыхай, осматривайся, а завтра подумаем, что с тобой делать.

Не прошло и часа, как в дом начали наведываться любопытные соседки. Приходили под разными предлогами – попросить какую-то мелочь, якобы отсутствующую в хозяйстве, – и задерживались, чтобы поглазеть на Лизу. Многие помнили ее девочкой, им было интересно узнать, как сложилась ее жизнь.

Лиза сидела как на смотринах, отвечала односложно, говорила, что приехала на месяц отдохнуть от городской жизни.

Ей порядком наскучили пересуды соседских кумушек, она уже собиралась встать и выйти из дома под предлогом нехватки свежего воздуха, как вдруг пожаловал новый посетитель, настолько необычный, что Лиза не могла оторвать от него глаз.

Прежде всего, внимание привлекала его одежда, довольно странная как для города, так и для деревни. Вошел он крадучись, озираясь по сторонам, чем сразу произвел на Лизу впечатление неадекватного человека. Одежда его была диковинная, как у древних странников-пилигримов, но чистая и новая на вид – серая мантия с широкими длинными рукавами, перехваченная кожаным ремешком, на котором болтались какие-то мешочки. Горловина странного одеяния и капюшон были украшены окантовкой из красной тесьмы. На груди висели кости на шнурке, постукивающие при ходьбе.

Лицо у мужчины было нестарое, однотонно-сероватое, цветом весьма подходящее к его хламиде, так что едва ли не составляло с одеждой единый фон, на котором выделялись лишь блестящие, пронзительные глаза. Голову он не закрыл капюшоном, коротко стриженные волосы торчали белесым ежиком.

Собравшиеся все разом притихли; бабушки, что были поближе к двери, потихоньку пятясь, выскользнули из избы. Те, что не успели улизнуть, подверглись пристальному осмотру – мужчина склонялся и исследовал поочередно лицо каждой женщины так, как будто был подслеповат либо выискивал что-то тайное в чертах испытуемой. Бабушки ежились и молчали, глядя на него со страхом.

Только Дуся оставалась совершенно невозмутимой. Она молча придвинула свободный стул, предлагая гостю сесть.

– Ох, я растяпа, – выдавила одна из соседок, – у меня же чайник на плите... Побегу, свидимся еще.

– И мы, пожалуй, пойдем, – поднялись остальные, – доброго вам здоровьишка.

Вошедший сел напротив Лизы и уставился на нее сверлящим взглядом. При этом лицо его слегка подергивалось.

– Будет тебе, Яков, не пугай девушку, – строго сказала Дуся. – Познакомься сперва и приободри ее. Она, чай, непривычная к деревенскому житью-бытью, из самой Москвы да в нашу глухомань...

Тот, кто звался Яковым, на слова Дуси отреагировал по-своему: вдруг криво, с иронией улыбнулся, сопроводив мимику раздельными смешками, при этом не сводил с Лизы острого

взгляда. Зубы у него оказались крепкие, белые, не в пример цвету кожи, но звуки, которые он издавал, Лизе крайне не понравились.

– Познакомимся, конечно, познакомимся, – заговорил Яков. – У девушки за душой много секретов. Хе-хе! Но не любовных, как следовало ожидать. О нет! Странная девушка, необычная девушка. Очень интересно! Чрезвычайно! – Он перестал смеяться так же внезапно, как начал, нахмурился и спросил злым голосом: – Как зовут?

– Елизавета, – сообщила Дуся.

Яков поднялся и, ни слова больше не говоря, пошел к выходу своей крадущейся походкой. На пороге он оглянулся, неопределенно хмыкнул и юркнул за дверь. Евдокия не пыталась его удержать, лишь проводила взглядом.

– Кто это? Ваш местный блаженный? – спросила Лиза, как только дверь за гостем захлопнулась.

– Тсс, – впервые забеспокоилась Дуся. – Я тебе потом объясню, только никогда не говори о нем плохо. Это небезопасно. Поверь мне пока на слово.

Лиза посмотрела в окно. Яков шел по улице уже другой, свободной поступью. Собаки, брехавшие на каждого прохожего, завидя развевающуюся хламиду, поджимали хвост и убегали во двор.

– Станный тип, он в деревне живет? Расскажи, интересно ведь, – не отступилась Лиза.

– Живет на отшибе, через реку, – неохотно поведала Дуся. – Там больше нет домов, только его один и стоит. К нему со всей округи народ приезжает. Он из тех, кого называют ясновидящим, магом, колдуном, кому как нравится. Ему самому все равно, кем его считают, но задевать его не стоит.

– Не верю я в колдунов. Экстрасенсы встречаются, а колдуны все самозванцы, – уверенно возразила Лиза.

– И все же остерегись при нем высказываться, как сейчас. Поверь мне, это небезопасно.

– Ну хорошо, хорошо. Я не собираюсь вмешиваться в ваши местные обычаи, – согласилась Лиза. – Расскажи лучше, далеко ли до райцентра. Я, может быть, у тебя порядочно задержусь, сбережений моих надолго не хватит, придется в городе кое-что продать.

Лиза впервые пожалела о том, что всегда была транжирой, любила наряды, драгоценности, дорогую косметику, путешествия, тратила доставшиеся от отца деньги и ничего не откладывала с зарплаты, просто жила на широкую ногу, как хотелось. Теперь даже московскую квартиру не сдать – возвращаться нельзя, и ключей никому не оставила. Ладно, торопиться не стоит, надо все хорошенько обдумать; в крайнем случае можно продать что-то из украшений. Хорошо, что с Геной познакомилась – подвезет до города при случае.

– Ой! – воскликнула Дуся. – А ведь я могу тебя на работу устроить, если только не погнушаешься.

– Я теперь ничем не погнушаюсь, лишь бы пересидеть здесь год-другой, – вострепнулась Лиза. – Говори, что у тебя есть на примете.

– Слушай: здесь неподалеку есть богатый дом, там живут Кравцовы – мать и сын. Я им готовлю, вот как раз завтра с утра пойду. Была у них горничная, как они ее величали, но уехала вчера – что-то у нее в семье случилось. Хозяйка меня выспрашивала, есть ли в деревне кто помоложе, чтобы горничную заменить. А кого я могу им порекомендовать – бабу Марфу? Она самая молодая – семьдесят лет стукнуло. Предлагали мне выполнять всю работу по дому, но я побоялась, что не справлюсь, да и не хочу надрываться: дом большой, хозяйка с капризами, да еще две большие собаки, которых надо выгуливать за оградой – в саду им гадить воспрещается.

– Собаки злые? Не покусают?

– Да нет, один – белый пушистик, не помню, как порода называется. Ласковое существо, красавец, душка, но не слишком послушный. Другой – немецкая овчарка. Громадный кобель. Но обученный, слушается команд и все понимает, как человек, только что не разговаривает.

Этот, если прикажешь, кого хошь порвет, но своих не трогает. Гулять с ними можно в любую погоду, только сама понимаешь, в лесу – у меня сил не хватит. Но при случае я тебе буду помогать.

– Работать горничной... – задумчиво отозвалась Лиза. – Домработницей то есть, если называть вещи своими именами. Да-а, круто жизнь повернулась... – Она посмотрела на Дусю и улыбнулась. – А что, стоит попробовать. В моем положении не след привередничать. Только есть одна трудность. Они попросят паспорт, а мы скажем, что меня обокрали на вокзале, я осталась без денег и документов, покажу им свидетельство о рождении, там моя девичья фамилия – Столетова, как у тебя. Они поверят, что я в самом деле твоя племянница, да еще ты за меня поручишься. Может, и сработает, как думаешь?

– Да что за конспирация? – возмутилась Дуся. – Зачем паспорт прятать? Неужто кому-то понадобится искать тебя здесь?

– Наверняка понадобится, – вздохнула Лиза. – Поверь, лучше мне нигде не светиться. Так надо. Я и телефон свой выключила насовсем. Карту дома оставила.

– Ладно, что с тобой поделаешь. Пойдем завтра и попробуем, – решила Дуся.

Весь вечер они обсуждали, в каком виде надлежит Лизе явиться на соискание должности прислуги. Прежняя горничная весьма устраивала привередливую мадам Кравцову: девушка жила в доме постоянно, лишь изредка ездила в райцентр навестить родных, внешности была невзрачной, тихая, неприметная, перед глазами ее гениального сына не маячила. При выборе прислуги мамаша исключала малейшую возможность мезальянса; в кругу знакомых Кравцовых было достаточно красивых девушек из хороших семей. Сын, конечно, чересчур погружен в науку, бывает, первых красавиц не замечает, но кто поймет мужчин. Если постоянно перед ним будет мелькать смазливая мордашка, он может однажды обратить на нее внимание.

Мамаша Кравцова иногда откровенничала с Дусей и даже объяснила, почему горничная и повариха так прильпихи ей ко двору.

Дуся пересмотрела всю одежду племянницы. Лиза знала, куда ехала, поэтому ничего экстравагантного не привезла: майки, свитера, джинсы, кроссовки – одежда вполне скромная. Косметику пока придется отложить в глубокий ящик до лучших времен. Волосы под косынку, так или иначе, хозяйка потребует – горничная в ее доме должна ходить с убранными волосами.

Дуся заставила Лизу одеться для завтрашних смотрин.

– Нет, никуда не годится! – заключила тетка. – Здесь и фигура отличная видна, и хорошенькое личико. Надо над тобой основательно потрудиться.

Она порылась в шкафу, достала юбку, плотные колготки, несколько шерстяных жакетов, заставила Лизу все примерить. Лизе теткина одежда была велика, но Дуся осталась довольна результатом.

– Вот это другое дело. Ни сисек, ни бедер, старухе понравится. С лицом сложнее. Лицо у тебя что майская роза. Для дела никак не годится.

– Не беда, – успокоила Лиза. – Я возьму серые тени и сделаю себе такую физиономию, что ее дорогой сынуля испугается. Буду ему по ночам сниться – ведьма с метлой.

– Ты лучше лак с ногтей сотри. Да вот еще что: словечки всякие интеллигентские забудь, и старайся выглядеть поглупее, – присовокупила Дуся, тоже посмеиваясь. – Знаешь, разыграть эту старую ханжу давно пора, получим удовольствие.

– Так как сына зовут?

– Арсений Кравцов. Слыхала о нем?

Еще бы не слышала! Имя это было настолько же известно в научных кругах, как и Крымова. Лиза давно следила за работами Арсения, с большим интересом и пользой для себя читала его научные статьи. К счастью, встречаться им не довелось, поэтому опасаться разоблачения Лизе не приходилось.

Утром пришлось вставать рано, под пение деревенских петухов. Лиза не прочь была понежиться на высокой постели, утопая в мягких шерстяных матрасах. Давно она не спала так сладко, в полной тишине, без тревог и забот. Окончательно проснувшись, Лиза удивилась своей беззаботности, ведь ничего не миновало, все только отодвинулось в пространстве и, возможно, накатится снова издалека удушливой волной – это лишь вопрос времени. А может быть, повезет, и вал пройдет стороной, надо только соблюдать осторожность.

– Лиза, иди завтракать, – позвала Дуся. Она появилась на пороге спальни, строго одетая, причесанная, с посвежевшим после умывания лицом. – Поторопись, нам через полчаса выходить. Мне нельзя опаздывать.

До дома Кравцовых было двадцать минут ходьбы. Лиза с Дусей шли сквозь влажный утренний туман по пустынному шоссе. Лес еще был темным и сонным, вдоль обочин коричневым ковром лежала опавшая листва.

– Здесь машины ходят вообще? – удивилась Лиза. – Вот уж глухомань так глухомань. Для москвича зрелище невообразимое, даже за городом.

– А что они забыли в наших деревнях? Дальше нас только Острюхино, там вообще жизни, почитай, нет, местных раз-два – и обчелся, несколько дач для городских, но зимой они пустуют. А ведь раньше-то, до революции, Острюхино было богатым селом. Там на пригорке большой храм стоял, старожилы рассказывают – звонница при нем была знаменитая, на всю округу славилась. Теперь одни развалины. Большевики храм разграбили, а потом взорвали. Так разрушенные стены и торчат, восстановить никто не удосужился.

– Как выдастся свободное время, съездим в Острюхино, – отозвалась Лиза. – Надо на кладбище сходить к маминим родителям. Я помню могилу – дедушка с бабушкой там рядом лежат.

– Сходим, обязательно, – согласилась Дуся. – Могилки, должно быть, давно бурьяном заросли, некому ухаживать.

– Тихо как, даже птицы не поют, – поежилась Лиза. – Жутковато идти вот так, в тишине и в безлюдье, среди леса.

Не успела она произнести эти слова, как выплыл откуда-то из самых чащоб протяжный странный звук – то ли вой, то ли гудок или кто-то с небес дунул в трубу, ибо звук этот был объемным, гулким и заполнил на короткое время все пространство, будто сам воздух, земля и деревья дрожали и вибрировали. Казалось, весь мир на краткий миг потонул в непонятном гуле. Из чащоб взметнулась стая воронья, птицы метались над лесом, перекрикивая друг друга. Потом кинулись врассыпную, возмущенно каркая.

Пропал неведомый звук не сразу, стал затихать, сжиматься и стих окончательно, словно втянулся обратно под желто-коричневые кроны деревьев.

Лиза ахнула и присела от страха. Дуся остановилась и быстро несколько раз поклонилась, осеняя себя крестом. Потом с укоризной поглядела на племянницу.

– Ну что корячишься, глупая? Можно подумать, первый раз Глас услышала. Радоваться надо, не каждому благодать выпадает, а ты, видать, в любимицах у него. Глядишь, завтра все хвори пройдут – явные и скрытые.

Лиза поднялась. И правда, чего испугалась? В детстве ей не единожды пришлось оказаться в эпицентре этого странного местного явления. Ученые ему объяснения не нашли, да и не интересовались особо – самим слышать не довелось, а в народные байки верили слабо. Деревенские утверждали, что в лесу живет дух диакона Савелия, который при жизни пытался помешать взорвать храм. Савелий был регентом церковного хора, сам имел голос сильный, звучный, храм для него был дом родной. Когда пришли варвары, он просто обезумел. Встал на колени перед входом в церковь и умолял красноармейцев не осквернять святыню. Диакона ударили прикладом, потом схватили и поволокли к церковной стене. Туда же согнали всех, кто

находился в храме. Несчастных расстреляли, тела сбросили в овраг, а храм взорвали. Когда большевики ушли из села, увозя на телегах иконы и церковную утварь, сельчане пошли в овраг, чтобы похоронить убитых. Там лежали псаломщик, церковный староста, протодиакон и певчие, несколько местных жителей – все, кого расстреляли красноармейцы, – кроме диакона Савелия. Тело его так и не нашли. Предположения, что он выжил, не получили подтверждения. Никто его больше не видел. Так и сгинул регент Савелий, пропал без вести. Очевидцы настаивали, что по вечерам в разрушенной церкви слышны песнопения, а из лесу время от времени доносится протяжный, глубокий зов. Явление получило в народе название Глас Савелия, так и прижилось. И хоть страшно было жителям поначалу, но вреда от непонятных звуков никому не было. Напротив, многие из тех, кто слышал Глас, утверждали, что избавились от застарелых болезней. Находились смельчаки, приезжали специально в Вольшанский лес, дневали и ночевали в палатках, чтобы услышать Глас и впитать в себя его благодатную силу, но чудо, как нарочно, являло себя редко и непредсказуемо.

А еще говорили, что дух Савелия появляется в деревнях в том случае, если жителям грозит опасность. Взял диакон на себя заботу о земляках, но прихода его боялись, как дурного предзнаменования, был он вестником грозящих несчастий, как бы предупреждал земляков об опасности, но смерти все равно происходили, предотвратить их обывателям не хватало сил...

Впереди показалась усадьба Кравцовых. Дуся позвонила у железных ворот. Откуда-то из дома донесся приглушенный лай. Потом женский голос спросил в домофон:

– Кто?

– Это я, Элла Леонидовна, Дуся.

– А кто это с тобой? – сварливо поинтересовался голос.

– Моя племянница. Вчера приехала. Может оказаться вам полезной.

Замок щелкнул, и женщины прошли за ограду. За ней высился все тот же лес, с той лишь разницей, что между вековыми деревьями были проложены дорожки из белой плитки. Кое-где, как в городском лесопарке, стояли скамейки, вдалеке виднелся горбатый мостик, перекинутый через неглубокую канавку. У самого дома под окнами были разбиты две клумбы с розовыми кустами. Цветы уже отцвели, но осенняя листва еще дарила краски кустам и деревьям, лежала ярким ковром под ногами, засыпала дорожки и скамейки.

– Сразу видно, что некому убирать, – заметила Дуся. – Дорожки подметать тоже входит в обязанность домработницы.

– Я же говорю, от метлы не отвертеться, – улыбнулась Лиза.

В доме было тепло и просторно. В большом холле женщины сняли куртки и прошли в гостиную. Элла Леонидовна восседала в широком кресле, в сторону вошедших лишь повернула голову. Оглядела Лизу с головы до ног.

– Садитесь, – сделала приглашающий жест. – Так это твоя племянница? А ты знаешь, похожа, но ты, Дуся, симпатичнее. Она здорова? Что-то чересчур бледна, да и на вид хлипкая. Зачем ты ее привела?

– Вы спрашивали насчет горничной. Вот я и подумала... Лизонька девушка работающая. Вы не смотрите, что худышка. Она шустрая, исполнительная, намеренно как приехала, так я сразу и вспомнила о вашей просьбе. Думаю, кто, как не Лиза, вам подойдет.

– А где она раньше жила? Зачем к тебе пожаловала? – с подозрением спросила хозяйка.

– Братец мой Петр Столетов два года как помер, а тем же летом во время лесных пожаров деревня на Рязанщине, где они жили, сгорела, а с ней дом, огород, все хозяйство. Лиза осталась погорелицей – без кола без двора. Мыкалась сначала по знакомым, жила в общежитии, потом решила к родной тетке податься. А я и рада. Как не приютить сироту?

Элла Леонидовна сочувственно покачала головой:

– Помню, помню, ужас, что за лето было! Аномальная жара, пожары, сколько деревень сгорело. Хорошо, до нас пекло и дым не добрались. В Москве, говорят, люди задыхались. У

меня сестра с семьей вынуждены были уехать на месяц в Турцию. Просились к нам, но я отказала: Сенечке надо работать в тишине и покое, а тут целая семья... Да и у меня здоровье не позволяет родственников принимать. – Она вздохнула и обратила страдальческий взгляд на Лизу: – Ну что же, девушка оставляет хорошее впечатление, и тебе я, Дуся, верю. Если твоя племянница будет так же хорошо исполнять свои обязанности, как и ты, то, считай, нам всем повезло. Платить вам буду одинаково. Больше не могу. Если Лизе подходит, пусть приступает к работе прямо сейчас.

– Подходит, – кивнула Лиза.

– Тогда пойдем, я покажу тебе дом, объясню, что ты должна делать.

Элла Леонидовна с усилием поднялась с кресла и засеменила из одной комнаты в другую. Ноги она ставила носками врозь, как ходят балерины, но при этом походка у нее была тяжелая, неровная – видимо, сказывался возраст.

Дом Лизе понравился, в обстановке не было ничего безвкусного, кричащего – строгая добротная мебель, неплохие картины на стенах; правда, Лизу немного смутило обилие всевозможных статуэток, мелких сувенирных вещичек и рамок с фотографиями на комодах. Она сама любила выставлять у себя дома памятные безделушки, но, как всякая женщина, знала, насколько они затрудняют уборку. А здесь их было чересчур много. Хозяйка явно страдала сентиментальностью.

На нижнем этаже располагались две спальни, гостиная, большая кухня, гардеробная и санузел. На второй этаж из холла вела деревянная лестница, по которой Элла Леонидовна взобралась кряхтя и охая. Здесь также был санузел и три спальни. Четвертая комната, как догадалась Лиза, еще не переступив порог, служила кабинетом сыну Эллы Леонидовны.

В кабинет вошли с предосторожностями. Сначала Элла Леонидовна, стараясь не шуметь, приоткрыла дверь, просунула в щель свои фиолетовые букли, затем помахала рукой за спиной, подавая Лизе знак следовать за ней. Лиза протиснулась бочком вслед за хозяйкой в полуоткрытую дверь и увидела спину сидящего мужчины. Перед ним на столе светился монитор ноутбука, но в данный момент Арсений Кравцов писал ручкой на простой бумаге, сильно склонившись к столу, отчего разглядеть можно было лишь взъерошенные волосы на макушке.

Элла Леонидовна, дабы не потревожить течения мысли своего неприкасаемого дитяти, на какое-то время лишилась голоса. Жестами, с помощью мимики и усиленной артикуляции она попыталась обрисовать ареал необходимых работ в кабинете, тыкала пальцем в ковер на полу, в балконную раму, в меловую доску, висевшую на стене, в пластмассовую урну с ворохом измятых листов у ног Арсения. Тот как раз, раздраженно хмыкнув, резко скомкал очередной лист и швырнул в урну.

– Черт, черт, черт! – вскричал мученик науки и вскочил с места, намереваясь куда-то идти, но чуть не налетел на мать и остановился перед ней со злым выражением на лице. – Ну что еще? Что надо?

– Сенечка, извини ради бога! – испугалась та. – Не хотела тебе мешать. Но раз ты отвлекся, познакомься: это Лиза, новая горничная, племянница нашей Дуси. Если что-то понадобится, обращай к ней. Она очень хорошая, приятная девушка.

– Гм... – ответил на последнее заявление сын, бросив быстрый взгляд на Лизу. Однако, как выяснилось, Арсений все же был хорошо воспитан: – Очень рад, – рассеянно добавил он, потом виновато улыбнулся. – Я несколько неряшлив, уж извините. Только на столе, пожалуйста, ничего не трогайте. – Сутулясь, прошелся по кабинету. Остановился, будто вспомнив что-то. – Раз так, не могли бы вы, Лизонька, принести мне стакан воды со льдом. Льда побольше, если не затруднит.

Лиза сразу почувствовала к нему расположение, ей захотелось сказать ему что-то любезное в ответ, но она вовремя вспомнила, что светские манеры надо приберечь для другой жизни.

– Сию минуту, Арсений Сергеевич, – отозвалась Лиза тоненьким голоском неотесанной дурочки и поспешила вниз по лестнице на кухню.

– Брр, страшенькая какая, – поежился Арсений. – Ты хоть откорми ее немного, а то собаки бедняжку в лес утащат. Как она с ними справится?

– Не утащат, кроме того, Дуся обещала ей помогать.

Когда Лиза вернулась со стаканом воды на маленьком подносе, Эллы Леонидовны в комнате не было, Арсений снова сидел за письменным столом и быстро набрасывал на бумагу бесконечные строчки уравнений. Лиза поставила поднос на стол и заглянула коллеге через плечо – тот снова перестал кого-либо замечать. Что-то у него явно не клеилось. Он писал, зачеркивал, снова писал. Лиза заинтересовалась проблемой, невольно стала следить за ходом мысли Арсения, но тут он в очередной раз нервно скомкал лист и запустил шариком в корзину. Лиза поспешила незаметно удалиться.

* * *

Элла Леонидовна клевала носом в своем кресле. Дуся готовила для хозяев завтрак на кухне.

– Что делать-то? – шепотом спросила у нее Лиза.

– Сама смотри. Где надо, подмети, где подотри. Главное, чтобы чисто было. Бери в чулане тряпки, щетки и начинай. Особо-то не надрывайся, до пяти часов времени много, потом домой пойдем. Как тебе Арсений?

– Внешне симпатичный, но пока трудно что-то сказать. Человека сразу не разглядишь. Может, он вредный или самовлюбленный. Может, завистливый. Я таких терпеть не могу. Нагляделась на ученую братию.

– Да нет, – успокоила Дуся. – Не вредный. Он настоящий чокнутый профессор, как в фильмах показывают. Ничем, кроме своей математики, не интересуется. Бывает, спросишь у него что-то, а он не слышит. Оживляется, только когда к нему коллеги приходят, тогда они свои научные темы начинают обсуждать, спорят жаростно, порой до крика доходит.

– Что же, все дома сиднем сидит?

– Почему, уезжает время от времени. Случается, по несколько дней отсутствует. Но о той, городской, его жизни ничего не знаю. Сдается мне, что и мамаша не знает. Парень матушку не особо жалует, все больше молчком. Думаю, достала она его своей опекой.

– Дом у них добротный. Откуда средства? – продолжала допытываться Лиза. – Научным трудом много не заработаешь, по себе знаю. Во всяком случае, на такой домину ни в жизнь не накопишь.

– Это от отца Арсения осталось. Успел разжиться в девяностые, уж и не знаю точно, какими делами ворочал, но сказывают, хваткий был мужчина. Сыночек неизвестно в кого пошел, вообще не от мира сего, никакой деловой жилки. А папашу внезапно удар хватил. Он больно нервный был. Знать, у деловых-то жизнь тоже не сахар.

Давай-ка быстренько на стол накроем, – спохватилась Дуся. – Арсений придет сейчас, в этом он пунктуален. Мужик все ж, о еде не забывает. Любит мясо – что на завтрак, что на обед. Готовки мне всегда хватает.

Слова Дуси подтвердились: через десять минут Арсений сбежал по лестнице, уже гладко причесанный, подтянутый, с веселыми искрами в глазах, в кухне потянул носом и заглянул в кастрюли:

– Та-ак, девочки, что тут у вас? Обожаю Дусины котлетки! Лизонька, садитесь с нами завтракать, Дуся готовит отменные котлеты, это нельзя пропустить.

– Благодарствую, я завтракала, – ответила Лиза, слегка опешив: никак не ожидала приглашения к столу – она уже прочно вошла в роль прислуги и обдумала свое поведение, пришла к выводу, что выдавать себя нельзя даже мелочью. – Я пойду, извините, мне убираться надо.

«Вот чудик! – усмехнулась про себя. – Мамаша, в отличие от него, вряд ли потерпит прислугу за столом».

И точно! Не успела подумать, как в кухню вкатилась Элла Леонидовна и высокомерно сморщила нос в сторону Лизы:

– Ты почему здесь? Ступай-ка, милочка, в сад, подмети дорожки. После завтрака Арсений познакомит тебя с нашими собачками, а пока иди, не стой здесь без дела.

Лиза пошла на участок, нашла у стены садовую метлу и приступила к уборке территории. Воздух с начала дня был достаточно свеж, дышалось легко и приятно, лес за оградой слегка шумел под порывами налетавшего ветра. Утро занималось пасмурное, но чистые облака не предвещали дождя.

Лиза обошла дом и обнаружила небольшую пристройку; оттуда, из-за двери, доносились фырканье и возня. По всем признакам это было обиталище хозяйских собак, о которых Лизе в скором времени предстояло заботиться. Животных Лиза любила, особенно собак, но из-за того, что жила одна и любила путешествовать, не рискнула завести себе четвероногого друга.

Лиза начала сметать палую листву с дорожек. Собаки, заслышав шум поблизости, разразились басовитым лаем за дверью. Листья уже сопрели и прилипли кое-где к плиткам. Лиза, мерно взмахивая метлой, продвигалась в глубь сада, взошла на горбатый мостик.

Она услышала, как хлопнула входная дверь в доме. Арсений, худой, высокий, направлялся к ней по очищенной дорожке, на нем была потертая джинсовая куртка, на ногах резиновые сапоги.

Лиза посмотрела на свои кроссовки, они уже были в грязи. Не додумалась взять в деревню сапоги; то есть кожаные привезла, но от них здесь мало проку.

– Идите сюда, бесплотный дух, попробую представить вас Рагдаю, – позвал Арсений, отпирая дверь пристройки. – Ясно уже, что гулять с собаками мне придется самому, но для Рагдая вы в любом случае должны стать своей. Он в общем-то, кроме меня, никого не признает, но вас будет слушаться, если я прикажу. Что до Скайуокера, вы ему, без сомнения, понравитесь.

– Увлекаетесь «Звездными войнами»? – улыбнулась Лиза и тут же поняла, что допустила первый прокол.

– Вышел из этого возраста. – Арсений внимательно на нее посмотрел. – Собаку взял уже с кличкой в паспорте. Мы зовем его просто Скай. А вы, Лиза, любите творчество Джорджа Лукаса?

– Господь с вами! – обеими руками отмахнулась Лиза. – Слышала от соседских мальчишек. Сама-то не видела никаких Лукасов, ни Джорджей. Я больше чувствительное кино люблю – чтоб про жизнь, про любовь. – Она мечтательно закатила глаза и вздохнула. – Вот давеча сериал показывали, так там одна девушка память потеряла, ну совершенно, представляете?.. Головой неудачно стукнулась. А ее парень...

– Стоп, стоп! – испуганно перебил Арсений. – Дальше рассказывать не надо. Постой-ка здесь, в стороне.

Он торопливо протиснулся в приоткрытую дверь пристройки.

Лиза удовлетворенно отметила про себя, что Арсений отбросил свое церемонное обращение и перешел на ты. Так-то оно лучше, какие уж тут светские беседы с деревенщиной!

Из двери выскочила большая мохнатая собака с белоснежной шерстью, стоячими медвежьими ушками и неправдоподобно красивой мордой – самоед, одним словом. Лиза всегда приходила в восхищение от этих великолепных созданий.

Пес сразу бросился знакомиться, полез Лизе на грудь передними лапами и попробовал лизнуть ей подбородок. Она гладила белую шерсть, мягкую как шелк, отклонялась со смехом от жаркой розовой пасти.

Арсений тем временем вывел на коротком поводке крупную овчарку – Рагдая. Хозяин и пес встали и с серьезным видом наблюдали за прыжками Скайуокера. Потом переглянулись, будто подумали об одном и том же.

– А ты молодец, собак любишь, сразу видно, – одобрил Арсений. – Не шарахаться, как некоторые.

– Как же такого красавца не любить? – засмеялась Лиза. – Ах, хорош, ах, душка! Облачко белое, небесное!

– Потому так и назвали, – вставил Арсений. – Ну что, Рагдай, принимаем девушку в свою стаю?

Пес снова посмотрел хозяину в глаза, но не заискивающе, как смотрят собаки, а спокойно, с пониманием, и слегка вильнул хвостом.

– Порядок! Можешь его погладить, – разрешил Арсений.

Лиза без колебаний подошла и погладила Рагдая по мощной шее и между ушами. Тот, казалось, терпеливо ожидал окончания процедуры знакомства, но вдруг вскинул морду и лизнул девушке руку.

– Чудеса! – воскликнул Арсений. – Первый раз такое вижу! Ну, Лиза, ты с ходу одержала победу над сердцем самого грозного пса в округе. Это меняет дело. Пожалуй, ты сможешь обойтись без моей помощи. Рагдай сам будет тебя опекать. А сейчас пойдем покажу, где удобно собак выгуливать.

Скайуокер бросился вперед, к воротам, Рагдай тоже был спущен с поводка, но потрусил на волю более спокойно.

– Почему бы им не бегать в саду? Меньше хлопот будет. – Лиза уже поняла, что с Арсением можно разговаривать вполне свободно. Тем не менее она понимала, что излишнюю раскованность проявлять не стоит, поэтому разговаривала тихо, как бы с робостью, не глядя на собеседника.

– Мама возражает, не хочет, чтобы они пачкали на участке. Да ты далеко не ходи, как справят нужду, загоняй за ограду, пусть побегают пару часиков. Вечером я их сам вывожу. Летом они ночуют в саду, а зимой в доме, когда холодно. С ними спокойнее, дом все-таки на отшибе, кругом сплошной лес.

– Да, мне было бы страшно вато жить вот так, вдали от людей.

Собаки сами показывали дорогу. В сторону от шоссе в лес уводила широкая тропа, усыпанная сушняком и еловыми шишками. Пять минут ходьбы, и стена деревьев обрывалась над склоном широкого, но неглубокого оврага. По ту сторону вновь непроглядным скопищем росли деревья. Собаки бегали по дну оврага, обнюхивали каждый камень, углубления под толстыми корнями, захватившими свободную почву.

– Здесь есть лисьи норы, вот собаки и принимают, – пояснил Арсений. – Наверняка и другое зверье имеется, но лис я своими глазами видел.

– Их же собаки порвут, если поймают! – всплеснула руками Лиза.

– Кто, Рагдай? Он ко всякой живности подходит с душой. Интерес, конечно, проявляет, но чисто познавательный. Однако в случае опасности лучшего защитника не сыскать. Что удивительно, он всегда сам распознает, кому надо клыки показать.

– А медвежонок?

– Скай? Он дурашка годовалый, ему лишь бы поиграть. С тем в погоню и бросается. Но нюхач отменный, уже сейчас талант проявляется.

Ветер пробежался по склонам оврага и встрепал каштановые волосы Арсения. Временами он выглядел мальчишкой, но скорее всего ему было под тридцать. С утра математик не

удосужился побриться, как, впрочем, и накануне, – многодневная темная щетина лишь подчеркивала худобу, но синие живые глаза выгодно освещали лицо. Он был похож на творческого интеллигента, хотя небрежность его не была нарочитой, как у многих представителей искусства. Видимо, таковым было его естественное состояние.

Лиза отдавала предпочтение мужчинам ухоженным, спортивным, отмечала как положительный знак, если от них пахло хорошим парфюмом, если рубашка сияла свежестью, а туфли блестели. Правда, чего уж сравнивать мужчину в офисе и в его собственном доме в глуши. Она представила, как выглядел бы Арсений на каком-нибудь симпозиуме, но он получился таким же, как сейчас.

Пожалуй, он милый человек, если судить по предварительному знакомству. Это, несомненно, облегчит ей каждодневное пребывание в доме Кравцовых, ведь есть еще зловредная мамаша. Та, по всем признакам, будет цепляться за каждую мелочь; пока неизвестно, чего от нее ждать.

Вечером Лиза рассказывала Дусе:

– Он совсем не задается, держится просто, мне это нравится. Трудоголик, но нервничает много. Что-то у него не сходится, всё бумаги рвет.

Прошло несколько дней, Лиза осваивалась на месте работы, привыкала к чужому дому и его обитателям. Элла Леонидовна порой серьезно ей докучала, вдруг сказывалась больной, укладывалась в постель и начинала изводить Лизу бесконечными требованиями: то одно ей подай, то другое, ноги разотри, спину помни... Лиза в такие дни превращалась в сиделку. С Арсением виделась мало, один раз поймала на себе его внимательный взгляд, когда подметала коридор у раскрытой двери кабинета. Осталось беспокойное чувство – с чего бы уставился? Неужели что-то разузнал? Надо попробовать воспользоваться его компьютером, изловчиться заглянуть в Интернет, когда Арсения не будет на месте. Посмотреть, что пишут знакомые и сотрудники ВКонтакте или в Фейсбуке. Заглянуть в электронную почту, наконец.

Либо тайком принести собственный ноутбук, но так риска больше – своего угла нет, а где-то запирается вздорная мадам не позволит, начнет истошно кричать, если мгновенно не отзовешься. Спасибо, выходной горничной выделила, вот уж когда Лиза поняла, что значит отдыхать душой.

Однажды Лиза улучила момент – Арсений вышел из кабинета, чтобы пообедать. Лиза убедилась, что он сел за стол и принялся за еду. Момент был самый подходящий. Лиза, затащив в комнату швабру, ведро с водой, поставила их для страховки посреди комнаты, сама села к компьютеру. В ее почтовом ящике оказалось свыше ста писем. Друзья, знакомые, сотрудники вопрошали, куда она пропала. Было несколько официальных писем из института с требованием связаться с начальством, иначе Лизе грозило увольнение. Примерно та же картина прослеживалась в Фейсбуке и ВКонтакте. Здесь же было письмо от Леонида Ганжи, ее ухажера из института. Он слезно умолял ответить, черкнуть хоть два слова, красочно расписывал, как скучает, как жизнь ему стала немила. Письмо Лизу удивило: она никогда не давала Ганже повода на что-то надеяться, ни разу с ним не встречалась вне рабочей обстановки. Кроме того, не ожидала от него столь цветистой словесности, еще меньше – подобной смелости. В личном общении молодой человек мялся, запинаясь, вел себя скованно, не проявлял склонности к красноречию. Лиза никогда бы не подумала, что Леонид способен сотворить такое послание. Хотя все может быть: случается, на письме люди раскрепощаются.

Она услышала, как кто-то поднимается по лестнице. Успела выйти из почты, покинуть сайты, но монитор продолжал предательски светиться. Лиза выдернула тряпку из кармана халата и сделала вид, что протирает клавиатуру. Неужели Арсений? Что ему понадобилось? Ведь только спустился.

Худшие опасения подтвердились, это действительно был он.

– Что вы делаете, Лиза?! – воскликнул Арсений. – Вы мне собьете что-нибудь в записях. Зачем вы трогаете компьютер?

– Как зачем? Вы сами посмотрите – пылища сплошная! – сделала круглые глаза Лиза. – Да вы не опасайтесь, Арсений Сергеевич, я аккуратненько мокрой тряпочкой каждую кнопочку протру. И экран у вас весь заляпан, пора как следует вымыть.

Арсений совершил прыжок через комнату к письменному столу, перехватил руку Лизы с мокрой тряпочкой, которую она тянула к монитору. Ей вдруг захотелось напроказничать, хотя причинять вред рабочему инструменту Арсения она не собиралась, всего лишь притворялась, вполне уверенная, что баловство сойдет ей с рук. Успела уже разобраться в характере своего хозяина. И не ошиблась.

– Лизонька, я вас очень прошу, – взмолился этот славный малый, – усвойте, что монитор нельзя протирать мокрой тряпочкой. Он испортится. И вообще, не подходите к компьютеру. Вы можете мне это обещать?

Лиза изобразила испуг:

– Ой, а я не знала! Простите меня, Арсений Сергеевич. Больше ни-ни. Никогда! Можете быть абсолютно спокойны. А вы что же, так быстро пообедали?

– Нет, только начал. А тут вдруг пришло кое-что на ум. Надо проверить, пока не забыл.

Арсений подсел к столу, выхватил лист писчей бумаги из стопки и принялся ожесточенно в нем чиркать. Лиза поняла, что о ней уже забыли, можно благополучно покинуть эту юдоль умственных терзаний.

В среду с утра занялась ясная заря. Когда Дуся с Лизой шли по лесной дороге, небо тепло рдело на востоке, по верхушкам деревьев тянулось алое сияние.

Лизе надоела мешковатая одежда с чужого плеча. Сегодня она достала из чемодана любимый свитерок, рассудив, что он неброский, в то же время хорошо смотрится с джинсами и сидит по фигуре. Элла Леонидовна это как-нибудь переживет. Что-что, а страхолюдиной быть, даже ради конспирации, ужасно неприятно. И так лицо как чистый лист – бесцветное, без косметики, да еще на голове ситцевый платок до бровей. Кроме того, хозяйка может не волноваться: ее драгоценный Арсений пусть спокойно изводится над своими теоремами, никто с ним общаться не собирается, наоборот, надо его как можно тщательнее избегать. Ученый муж оказался словоохотливым, приходится все время быть начеку, чтобы не выболтать лишнего.

Но не успела Лиза ступить за ограду дома Кравцовых, как белым комом налетел Скайуокер, бросился девушке на грудь. Рагдай, глянув издали, потрусил в сторону.

– Я уже с ними гулял, – сообщил подошедший Арсений. – Что-то проснулся сегодня ни свет ни заря, успел с ними побегать, размяться.

Лиза, свесив голову, уклончиво пробубнила под нос «С добрым утром». Хотела было прошмыгнуть мимо Арсения в дом, но в этот миг подошел Рагдай и уселся у ее ног, вернее, на ноги, на кроссовки, да еще привалился боком, морду задрал, глядя снизу на Лизу приветливо, ну как тут не погладить пса!

– Ого! Ты его покорила совершенно! – воскликнул Арсений. – Вдвойне поразительно: любую девушку он встречает враждебно, к себе не подпускает. Иногда мне кажется, что он ревнует.

Лиза засмеялась:

– Он умница: быстро просчитал, что ко мне ревновать глупо.

– То есть как это? Нет, я не согласен! – шутливо запротестовал Арсений, и вновь Лиза оценила его деликатность. Мало того, он искусно увел скользкий разговор в сторону. – А вообще, нам всем крупно повезло, что Рагдай проникся к тебе симпатией. Можешь полностью рассчитывать на него. Тебе теперь сам черт не страшен. Нет лучшего телохранителя, чем Рагдай.

Лиза запустила руки в плотную шерсть овчарки и увлеклась – почесывала пса за ушами, теребила каракулевые щеки, говорила ему что-то ласковое, а тот блаженно щурил глаза.

Скайуокер позавидовал и бурно напросился на свою порцию ласки.

– Еще и скулит, – смеялась Лиза, отбиваясь от самоеда. – Взрослый парень уже, как не стыдно! Тебе в упряжь пора, на мороз, днем сани таскать, ночью в снегу спать, а не в тепле нежиться.

Лиза повернулась к Арсению с радостной улыбкой и встретила уже знакомый изучающий взгляд. Как, опять прокололась?!

– Красивая у тебя улыбка, Лиза, – подтвердил тот ее опасения. На этот раз он не просто делал комплимент, а был вполне серьезен. – Ты, оказывается, хорошо разбираешься в собаках, даже в ездовых.

– Э-э... а-а... так вы же сами мне рассказывали! – нашла Лиза. – Помните, вы говорили, что паспорт у него есть, что собака ездовая, северная, про кличку его объясняли...

– Как же, как же, помню, – отвечал он тоном, в котором, однако, звучало сомнение.

Лиза так и не поняла, убедила его или нет.

Рагдай наконец соизволил подняться на все четыре лапы, а Лиза получила возможность улизнуть, чем не преминула воспользоваться.

– Простите, я пойду, Элла Леонидовна рассердится, – пробормотала она и, не дожидаясь ответа, поспешила в дом.

Лиза надеялась, что утренний инцидент исчерпан, можно расслабиться, однако после обеда случилось еще одно событие, повергшее ее в страшное беспокойство.

Лиза и Дуся еще возились на кухне с посудой, когда за воротами раздался настойчивый автомобильный гудок. Женщины видели, как Арсений пошел открывать без колебаний, отпер ворота и сделал приглашающий знак рукой. Видимо, знал заранее, кто придет, но почему-то не предупредил домашних. Во двор въехал серый «форд», из него вышел мужчина, на вид одного возраста с Арсением. Они обнялись, как старые друзья, и так, в обнимку, весело переговариваясь, проследовали в холл, оттуда сразу поднялись на второй этаж. Усердно протирая полированные деревянные ступени и лестничные перила, Лиза слышала, как мужчины оживленно беседуют в кабинете, до нее доносились обрывки фраз.

– А я рассматриваю точку плоскости как совокупность всевозможных площадок! – горячился гость. – Можно говорить, что они содержат эту точку.

– Можно, – соглашался Арсений, – но очень скоро ты столкнешься с серьезными логическими затруднениями.

Затем слышался стук мела по доске и снова оживленная полемика.

Лиза с завистью вздохнула. Она соскучилась по лаборатории, по научным спорам. В голове ее роились идеи, ей хотелось бы с кем-нибудь поделиться, но она теперь даже ноутбук свой боялась открыть. Запрятала его подальше на всякий случай, зарыла в сено у Дуси на чердаке. Накатило вдруг дурное предчувствие, пришлось искать надежный тайник, лишь после этого Лиза немного успокоилась.

Гость вышел из комнаты и направился в санузел второго этажа. Заметил Лизу, игриво помахал ей рукой. Лизе показалось, что она где-то его уже видела. Она решила расспросить Дусю:

– Кто это, ты его знаешь?

– Игорь Крапивин, коллега и друг, как называет его Арсений. Хотя не верю я в таких друзей. Слышала раз случайно, как Крапивин с другим парнем язвительно обсуждали Арсения. Бедняга вышел, а эти принялись вслед ему колкости отпускать, думали – их никто не слышит.

– А ты Арсению не сказала?

– Еще чего! Мое дело маленькое, зачем мне вмешиваться? Потом меня же клеветницей выставят.

Тут Арсений сверху окликнул Лизу, попросил принести две чашки кофе.

Когда она вошла в кабинет с подносом, мужчины уже потягивали из бокалов коньяк, расположившись на мягком диване. Оба были в приподнятом настроении. Лиза исподтишка с неодобрением оглядела гостя – ишь, добряком прикидывается! Права Дуся: неискренний тип этот Игорь, взгляд и улыбка у него насквозь фальшивые, как только Арсений не замечает. Ей почему-то стало обидно за Кравцова. Бывают люди беззлобные, непосредственные, готовые верить каждому лицемеру, Арсений как раз из таких. Увяз в своей математике и перестал реально воспринимать внешний мир.

– Спасибо, Лизонька. – Арсений взял у нее поднос из рук. – Будь добра, скажи Дусе, пусть сообразит нам что-нибудь закусить. Игорь с дороги наверняка проголодался.

Игорь улыбался и не возражал, при этом смотрел на Лизу пристально и оценивающе, что ей совсем не понравилось. Она поспешила удалиться и все же услышала уже на лестнице слова гостя, сказанные достаточно громко:

– А она ничего, фигурка что надо. Уж не решила ли Элла Леонидовна внести разнообразие в твою монотонную холостяцкую жизнь? Согласись, в деревенских девушках есть некая экзотика.

– Молчи, бессовестный циник! – со смехом отвечал Арсений. – Деревенских тебе не хватало! Сотрудниц всех перещупал, теперь на природу потянуло?

Лиза остановилась и продолжала слушать непринужденную беседу мужчин.

– Лиза... Звучит романтично! – продолжал Игорь. – Кстати, слышал новость? Елизавета Щербинина исчезла. Та, что работала с Крымовым. О его смерти ты уже знаешь. Весь научный мир гудит. Говорят, Щербинина сбежала, прихватив с собой результаты лабораторных исследований. А ведь уже поговаривали о сенсационном научном открытии. Там работает мой друг, рассказывает, что сотрудники ходят не иначе как на цыпочках и разговаривают шепотом – шеф совсем с катушек слетел, на всех бросается. На проект были выделены большие средства – и все коту под хвост. Ходят слухи, что беглянку усиленно разыскивает заинтересованная сторона. Сведения об открытии каким-то образом просочились сквозь стены института, а может быть, там есть свои шпионы, работающие на третьих лиц. Предполагаю, что они уже все заранее просчитали и оценили. Не завидую я Щербининой: если найдут, то ни перед чем не остановятся, чтобы отнять у нее разработки.

– Я слышал о Щербининой, но встречаться не довелось. А что случилось-то? Почему она так поступила?

– Крымов в последний момент передумал обнародовать открытие – посчитал, что оно опасно для человечества. Все, что было на бумаге и в компьютере, уничтожил. И доигрался! Через несколько дней его сбила машина. Я думаю, не случайно, ведь водителя не нашли, а машина была краденой. Ну и девчушка, само собой, перепугалась и сбежала в неизвестном направлении. А жаль, я бы мог предложить ей работу у себя в отделе. Говорят, она весьма недурна собой.

– Так тебе научная сотрудница нужна или хорошенькая? – засмеялся Арсений.

– Я сочетаю полезное с приятным, дружище. Учись! Кстати, что у тебя произошло с Аленой? Девушка так разгневана, что даже со мной не разговаривает.

– Не вспоминай об этой лгунье. Она обманывала меня без зазрения совести. До сих пор звонит и выворачивается, пришлось ее номер заблокировать. Эх, брат, почему женщины так умело водят нас за нос?

Дальше Лиза слушать не стала, бесшумно спустилась по лестнице. Главное она узнала: те, кто охотятся за открытием, не собираются мириться с ее исчезновением. Слишком большой куш стоит на кону.

Она заперлась в туалете, достала косметичку и постаралась нанести побольше синеватых теней под глаза и на щеки. Надо же, недурную мордашку нашел! Волокита спесивый! Лиза

терпеть не могла самоуверенных молодчиков со взглядом пресыщенного кота. А Игорь оставлял именно такое впечатление. С каким удовольствием она сбила бы с него гонор, проучила бы наглеца и лицемера, ему бы и за Арсения досталось. Какая досада, что приходится притворяться!

Но самую большую оплошность Лиза допустила еще через два дня. Не удержалась: как в любой женщине, в ней жила тяга к любимым безделушкам и украшениям, кроме того, ею двигало бессознательное желание нравиться мужчине, который оказывал ей определенную симпатию. С Лизой Арсений был неизменно галантен, не упускал случая сделать девушке комплимент. Каждый раз, когда она сталкивалась с ним в доме или в саду, он оказывал ей внимание, завуалированное под дружеское, но Лиза чувствовала, что Арсений испытывает к ней вполне естественный мужской интерес. Поэтому, одеваясь в тот день, она по старой привычке надела на руку браслет, с виду простенький, молодежный, – металлическая пластинка на двух цепочках. Раньше, до своего перевоплощения в горничную, Лиза его практически не снимала, носила со студенческих лет. Когда-то однокурсники подарили браслет Лизе на день рождения как символ студенческого братства. На внутренней стороне пластинки была сделана гравировка, фраза на немецком языке, ставшая обладательнице настолько привычной, что Лиза, надевая в этот раз браслет, даже о ней не задумалась.

День тянулся как обычно – прогулка с собаками, затем уборка, обед с Дусей на кухне, после чего Лиза решила сама вымыть посуду, при этом сняла браслет, спадающий на кисть, и положила его на столешницу рядом с мойкой.

В это время Арсений, который недавно пообедал в обществе Эллы Леонидовны, снова наведался на кухню. Увидев Лизу, явно обрадовался, это бросилось в глаза даже вечно занятой Дусе.

– Девочки, я вам не помешал? Что-то пить захотелось, заварите крепкого чайку, – попросил он, намереваясь снова расположиться за столом.

– Что же вы не сказали, Арсений Сергеевич? Я бы вам наверх принесла, – пропела грудным голосом Лиза.

Пора было признаться самой себе, что ей нравился этот мужчина с глазами такой густой синевы, что при электрическом свете они казались чуть ли не черными, ей нравились его отросшие каштановые волосы, безыскусная небрежность и родственный Лизе склад ума. Ей нравился легкий флирт с ним, в то же время она забавлялась сложившейся ситуацией, тем, что могла строить из себя простушку. Это была игра, в которой необходимое сочеталось с приятным. Куда заведет ее этот увлекательный маскарад, Лиза не хотела прогнозировать.

– Надоело все одному да одному. Составь мне компанию, Лизонька, – продолжал между тем Кравцов, подходя к Лизе.

– Ах, что вы, Арсений Сергеевич, скажете тоже, – кокетливо засмущалась она. – Мое дело посуду мыть, убирать, а не чаи распивать в праздности. Сомлею и работать не смогу. Достанется мне от вашей матушки.

– Ты почему сама моешь? Посудомоечная машина на что? Бросай все, иди сюда. – Он по-хозяйски взял ее за запястье.

Лиза смешалась – не ожидала такой вольности от своего корректного хозяина.

– Пойдите, Арсений Сергеевич, дайте хоть руки вытереть.

Она потянулась за полотенцем, потом за браслетом и этим привлекла внимание Арсения к безделушке. Зрение у него было острое, он мгновенно заметил надпись на металлической пластинке, которую Лиза по неосторожности положила гравировкой вверх. Арсений перехватил браслет и уставился на него в изумлении, даже руку Лизы выпустил.

Написано же там было следующее: *Raffiniert ist der Herr Gott, aber boshaft ist er nicht*, что в переводе с немецкого означало «Господь Бог изощрен, но не злонамерен». То были знаменитые

слова Эйнштейна, высеченные на каминной доске в Институте перспективных исследований в Принстоне. Эту фразу многие студенты, будущие исследователи, брали себе как девиз: мир сложно объяснить, но он сопротивляется ученому без злого умысла.

– Лиза! Что это? – наконец обрел дар речи математик. – Это твой браслет?

Лиза только теперь сообразила, как некстати решила сегодня принарядиться. Надо было как-то выпутываться, она поспешно выдернула улику из рук Арсения и сунула в карман рабочего халата.

– Ну да, что вас так удивляет? – Она растерялась и пыталась вернуть себе самообладание.

– Ты знаешь, что здесь написано?

– Понятия не имею. Браслет мне подарили, надпись для меня – лишь красивый узор.

– Кто мог *такое* тебе подарить?! – продолжал допытываться Арсений.

Тут Лиза оплошала еще больше, выдав стандартный ответ – первое, что пришло на ум.

– Арсений Сергеевич! Вы задаете нескромные вопросы. То, что я работаю в вашем доме, не дает вам права вмешиваться в мою частную жизнь, – с достоинством заявила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.